

УДК 811.16

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.08

В. С. Ефимова

Старославянские несколькословные номинации *versus* КОМПОЗИТЫ*

Ефимова Валерия Сергеевна

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, зав. отделом
Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: valeriefimova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5921-8475

Цитирование

Ефимова В. С. Старославянские несколькословные номинации
versus композиты // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 171–190.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.08

Статья поступила в редакцию 03.04.2023.

Рецензирование завершено 31.08.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

Статья посвящена изучению лексического инвентаря старославянского языка. Автор исходит из представления о лексическом фонде языка как состоящем не только из слов, но и из словосочетаний. Лексический инвентарь старославянского языка создавался узким элитарным кругом книжников по мере выполнения переводов (главным образом с византийского греческого). Хотя в основе старославянского языка лежала народная славянская речь того времени, большинство старославянских композитов

* Настоящая статья в значительной своей части опирается на доклад, представленный на международной научной конференции «Болгаристика. Славистика. Сравнительно-историческое языкознание», которая была проведена в Институте славяноведения РАН 15–16 ноября 2022 г. в память о выдающемся ученом Григории Куприяновиче Венедиктове – сотруднике Института и иностранном члене Болгарской академии наук. Хотя Г. К. Венедиктов известен прежде всего как болгарист, круг его научных интересов был довольно широк. Входил в этот круг и интерес к старославянской лексике, что выразилось, в частности, в согласии Г. К. Венедиктова взять на себя труд ответственного редактора монографии В. С. Ефимовой «Старославянская словообразовательная морфемика» (2006).

и несколькословных наименований создавалось самими славянскими книжниками. Многие из этих наименований появились в старославянском лексиконе в связи с необходимостью номинации понятий, связанных с христианством и «средневековой энциклопедичностью».

Базой для образования этих новых наименований служило поморфемное и фразеологическое калькирование греческих образцов, которое взаимодействовало с механизмами номинации в народной славянской речи. В статье показано, что старославянские номинации несколькословными наименованиями и композитами обнаруживают «сферы пересечения». Как полагает автор, эти «сферы пересечения» были обусловлены основной и наиболее трудной задачей, которую решали славянские книжники при переводе как греческого композита (или деривата от композита), так и греческого несколькословного наименования, – задачей передачи семантики знаменательных корней. Даже в пределах эпохи существования собственно старославянского языка (т. е. IX–XI вв.) встречаются варианты перевода одних и тех же греческих композитов как старославянскими несколькословными наименованиями, так и старославянскими композитами. Возникавшие в процессе словотворчества книжников окказионализмы в виде композитов и несколькословных наименований могли впоследствии закрепляться в узусе языка, но могли и оставаться гапаксами как в пределах определенного текста, так и в пределах всего корпуса старославянских текстов, который окончательно не закрыт и до сих пор мало изучен.

Ключевые слова

Старославянский язык, лексический инвентарь, композиты, несколькословные наименования, калькирование.

Номинации композитами и несколькословными наименованиями достаточно широко распространены как в старославянских текстах, так и в их греческих оригиналах. Однако если старославянские композиты давно изучаются палеославистами¹ и необходимость их фиксации,

¹ Например, в монографии Р. М. Цейтлин 1977 г., ставшей буквально «настойной книгой» любого палеослависта, сложным словам (в число которых включаются как собственно композиты, так и их дериваты) посвящена примерно треть объема: *Цейтлин Р. М. Лексика*

в том числе фиксации в словарях окказионализмов, никем не оспаривается, на несколькословные номинации внимание обратили относительно недавно. Основания для идентификации старославянских словосочетаний в качестве несколькословных наименований, подлежащих фиксации в словарях, были рассмотрены в работах В. С. Ефимовой и В. Желязковой. Авторы этих работ исходили из представления о лексическом фонде языка как состоящем не только из слов, но и из словосочетаний – представления, восходящего к идеям Ш. Балли, высказанным более ста лет тому назад². Учитывая специфику старославянского языка, авторы этих работ пришли к выводу, что для идентификации в старославянских текстах несколькословных наименований в качестве лексических единиц можно полагаться только на единственный критерий – функцию номинации лингвистического концепта³. Т. е. несколькословное наименование-обозначение в качестве лексической единицы должно номинировать один-единственный лингвистический концепт⁴.

старославянского языка: Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977. С. 186–284.

2 Уже в труде «*Traité de stylistique française*», изданном впервые в 1909 г., Ш. Балли предложил вполне разработанную концепцию учета словосочетаний в качестве лексических единиц и их классификацию: *Bally Ch. Traité de stylistique française*. 2-е ed. Heidelberg, 1921. Т. 1. P. 66–87. Противопоставление несколькословных наименований, являющихся лексическими единицами-обозначениями и требующих фиксации в словарях, единицам-описаниям (аналитическим дескрипциям) было сформулировано в статье Е. С. Кубряковой: *Кубрякова Е. С. О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц // Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Katowice, 2000. S. 24–31.

3 Поскольку при анализе старославянских текстов по большей части мы имеем дело с «конкретными» концептами, лингвистические концепты более традиционно можно было бы рассматривать как «стоящие за словами понятия», см.: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы*. М., 2005. С. 43–62.

4 *Ефимова В. С., Желязкова В. Несколькословные номинации лиц в древнейших славянских рукописях // Palaeobulgarica*. 38. 2014. № 3. С. 33–48; *Ефимова В. С. К определению статуса несколькословных наименований лиц в старославянских текстах // Славянский альманах*. 2015. № 3–4. С. 352–367; *Ефимова В. С. О границе между старославянскими лексическими единицами и словосочетаниями // Палеославистика*. М., 2017. С. 60–80 (Славянское и балканское языкознание, [вып. 16]).

В настоящей статье мы постараемся показать, что старославянские номинации несколькословными наименованиями и композитами оказываются тесно связанными, обнаруживая «сферы пересечения». Из народной славянской речи того времени в старославянский лексикон⁵ попало лишь небольшое количество композитов, еще меньше, видимо, несколькословных наименований. Обычно называются не имеющие греческих аналогов композиты *соухоржкъ*, *маломощь*, *воднось*, *лѣторасль* и некоторые другие⁶. Имеются в старославянском лексиконе и несколькословные наименования, не обнаруживающие греческого влияния на их структуру: *паралѣтѣкъ*⁷ (Мт 9:2 и Мк 2:3) – *ослакленъ*(ъин) *жилами*; *ѣлаон* – *масло дрѣвѣнѣю* (Супр 291,7) и некоторые другие, очень немногочисленные, но свидетельствующие о том, что способ номинации несколькословными наименованиями не был чужд народной славянской речи. Однако и большинство старославянских несколькословных наименований, и большинство старославянских композитов создавалось самими

⁵ Под понятием «старославянский лексикон» мы имеем в виду лексический инвентарь собственно старославянского языка, существовавшего во второй половине IX – начале XI в. В вопросе периодизации древнеславянского языка придерживаемся концепции акад. Н. И. Толстого, считавшего старославянский язык его начальным этапом, см.: *Толстой Н. И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 34–52.

⁶ Среди композитов, заимствованных в старославянский лексикон из народной славянской речи, имеются как экзоцентрические, так и эндоцентрические; образованы они в большинстве случаев по двум базовым структурным моделям – [основа-основа] или [основа-слово]. Подробнее см.: *Ефимова В. С.* О моделях старославянских композитов [On the Models of Old Church Slavonic Compounds] // *Palaeobulgarica*. 44. 2020. № 1. С. 72–73.

⁷ Греческий текст здесь и далее приводится по изданиям: *Robinson M. A., Pierpont W.* The New Testament in the Original Greek: Byzantine Textform. Southborough, 2005; *Заимов Ё., Каналдо М.* Супрасълски или Ретков сборник. София, 1982–1983. Т. 1–2; *Frček J.* Euchologium Sinaiticum // *Patrologia orientalis*. Vol. XXIV–XXV. Paris, 1933, 1939; Старобългарският превод на Стария завет. София, 2003. Т. 2; *Sadnik L.* Des Hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes / *Monumenta linguae slavicae*. Vol. V. Wiesbaden, 1967; Vol. XIV. Freiburg i. Br, 1981; Vol. XVI. Freiburg i. Br, 1983; *Aitzetmüller R.* Das Hexaemeron des Exarchen Joannes // *Editiones monumentorum slavlicorum veteris dialecti*. Vol. I–VI. Graz, 1958–1971; Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073). София, 2015. Т. 3: Гръцки извори.

славянскими книжниками. «Источником вдохновения» для них служили композиты и несколькословные наименования в языке греческих оригиналов. В работах В. С. Ефимовой было показано, что в процессе создания композитов «поморфемное калькирование» заключалось для славянских книжников главным образом в переводе знаменательных корней (как правило, двух) греческого композита, при этом в аспекте словообразования книжники опирались на модели сложений, уже существовавшие в славянской народной речи того времени⁸. Исследование словосложения в праславянском языке недавно было опубликовано С. М. Толстой. Развивая идеи Э. Бенвениста об именном сложении как о «микро-синтаксисе» (*microsyntax*), С. М. Толстая рассматривает праславянское сложение в качестве динамической модели, «превращающей свободное словосочетание в единую лексическую единицу с сохранением синтаксических и семантических отношений между компонентами»⁹. Специфика творчества славянских книжников при создании старославянского лексического инвентаря подразумевала, однако, также и другие процессы, и образование композитов и несколькословных наименований в старославянском языке нужно исследовать, видимо, имея в виду взаимодействие механизмов номинации в народной славянской речи того времени и калькирования греческих образцов.

На процессы номинации композитами и несколькословными наименованиями и, соответственно, процессы образования композитов и несколькословных наименований под влиянием греческих образцов следует посмотреть в их совокупности, как на словосложение (*compounding*) в широком смысле слова. Уже В. Ягичем в исследовании конца XIX в. была указана возможность передачи греческих композитов славянскими словосочетаниями¹⁰. Практику передачи греческих ком-

8 Ефимова В. С. О моделях... От сложения в славянской народной речи того времени старославянское образование композитов отличала суффиксация, которая использовалась шире, чем в народной речи, и шире, чем в греческом сложении, см.: Ефимова В. С. О роли старославянской суффиксации при калькировании греческих композитов // Славянское и балканское языкознание: Палеославистика-3. Международная коллективная монография. М., 2020. С. 93–118.

9 Толстая С. М. К проблеме сложных слов в праславянском // Old Church Slavonic Heritage in Slavonic and Other Languages. Praha, 2021. S. 74–78.

10 Jagić V. Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1898. Bd. 20. S. 538–542.

позитов старославянскими словосочетаниями, как и, наоборот, передачи греческих словосочетаний старославянскими композитами (что наблюдается все же реже. – В. Е.) отмечала и Р. М. Цейтлин¹¹. Эти «сферы пересечения» обусловлены прежде всего, как кажется, основной и наиболее трудной задачей, которую решали славянские книжники при переводе как греческого композита (или деривата от композита), так и греческого несколькословного наименования, – передачи семантики (*le sens général*) знаменательных корней (как правило, двух). Оказывались ли эти знаменательные корни в составе композита или в составе отдельно оформленных слов несколькословного наименования – это обуславливало, конечно, выбор композита или несколькословного наименования в старославянском переводе, но на этот выбор влияли и другие факторы, о которых речь пойдет ниже.

В ряде случаев очевидно, что для славянских книжников был затруднен поиск способа номинирования славянскими средствами лингвистического концепта греческого композита. Так, для греческого композита ἀρχέκακος, образованного по модели [основа-слово] и номинирующего лингвистический концепт «источник зла»¹², «Греческо-старославянский индекс» указывает три варианта передачи несколькословными наименованиями: зълъгъи научальникъ и старъгъи зълъдъки в Синайском евхологии, а также прѣвѣгъи зълъгъ в Супрасльской рукописи¹³. В греческом оригинале Синайского евхология композит ἀρχέκακος употреблен в качестве субстантива, в оригинале Жития Якова-черноризца, перевод которого имеется в Супрасльской рукописи, ἀρχέκακος можно трактовать и как адъектив¹⁴, и как субстантив-приложение, но во всех случаях оказалось возможным для книжников перевести греческий композит только именованным словосочетанием, т. е. компоненты композита передать в старославянском переводе цельнооформленными словами в несколькословном наименовании:

11 Цейтлин Р. М. Лексика... С. 187–188.

12 Словарь Лампе дает следующие значения для ἀρχέκακος: «*beginning mischief, originating evil... as subst., author of evil*» (Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961. P. 233).

13 Řecko-staroslověnský index. Praha, 2013. T. I. Fask. 7. S. 426.

14 Авторами «Пражского старославянского словаря» ἀρχέκακος в этом примере был понят, видимо, как адъектив, так как они трактуют в этом примере зълъгъ как адъектив, см.: Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958. T. I. S. 689.

Ἐξορκίζω σε, τὸν ἀρχέκακον τῆς βλασφημίας, τὸν ἀγχηγὸν τῆς ἀνταρσί-
 ας καὶ αὐτοῦργον τῆς πονηρίας – заклинаѣ тл . з҃ълы науѣльниѣ [AN]¹⁵
 хоульнѣи . науѣльниѣ ѿтрѣженѣи ѿ самоуѣльниѣ лжквѣи. Евх 51b25;
 τὸν δὲ ἀρχέκακον καὶ βύθιον δράκοντα θεοσόφῳ δελεάσματι ἀγκι-
 στρεύσας – старараго з҃ълоуѣка [AN] ѿ главинѣнаго змиѣ бѣгомѣдрѣиѣ
 х҃ѣдожьствоѣмь оуловѣи ... Евх 63b10;
 Ἄλλ’ οὐτε τοῦτῳ ἠρκέσθη τῷ μίσει ὁ ἀρχέκακος διάβολος· – нь ни т҃ѣмь
 довьлѣнь вѣи . оскверѣнениѣмъ врагѣи . и прѣвѣи з҃ълѣ [AN] сотона Супр
 522,1 (Житие Якова Черноризца).

Как видим, во всех случаях славянские книжники постарались передать семантику обоих знаменательных корней. Изначальную семантику корня *ἀρχ-* первого компонента *ἀρχε-* греческого композита принято определять как ‘начинание’ (ср. *ἀρχω* ‘marcer le premier, faire le premier, prendre l’initiative de, commercer’), но также и ‘первенствование, командование’ (ср. *ἀρχός* ‘chef’)¹⁶. В Евх 51b25 места компонентов в номинациях поменялись, и семантика корня *ἀρχ-*, причем в совокупности ‘начинание’ и ‘первенствование, командование’, «ушла» во второй компонент-субстантив *науѣльникѣ* несколькословного наименования *з҃ълы науѣльникѣ*; в Евх 63b10 семантика корня *ἀρχ-* передана адъективом *старѣи* как первым компонентом несколькословного наименования, причем была понята как ‘первенствование, командование’ (ср. одно из значений прил. *старѣи* ‘первый, главный’, subst. ‘руководитель, начальник’¹⁷); в Супр 522,1 семантика корня *ἀρχ-* передана адъективом *прѣвѣи* как первым компонентом несколькословного наименования, причем также была понята как ‘первенствование, командование’ (ср. одно из значений прил. *старѣи* ‘первый, главный’¹⁸). Соответственно, семантика «зла» корня как- второго компонента *-каκος* греческого композита в Евх 51b25 «ушла» в первый компонент несколькословного наименования – прил. *з҃ълыи*; в Супр 522,1 семантика «зла» осталась во втором компоненте, но представленном уже в виде цельноформленного сущ. *з҃ълѣ* ‘злодей’ (которое, однако, может быть понято и как прилагательное – см. выше); в Евх 63b10 семантика «зла» также осталась во втором компоненте, но субстантивность второго

15 В формулах используем обычные обозначения: А – адъектив, N – имя.

16 *Chantraine P.* Dictionnaire etymologique de la lante grecque: Histoire des mots. Paris, 1968. Т. I. P. 119–121.

17 *Slovník jazyka staroslověnského.* Praha, 1983. Т. IV. S. 159.

18 *Slovník jazyka staroslověnského...* Т. III. S. 400.

компонента была выражена определенно: компонент -дѣи композита зѣлодѣи не оставляет в этом сомнений.

Передача греческих композитов несколькословными наименованиями была достаточно распространенным приемом в «творческом арсенале» славянских книжников. Согласно подсчетам болгарской исследовательницы Татьяны Илиевой, в тексте Богословия Иоанна Экзарха словосочетаниями переведены 53 греческих композита¹⁹. В подавляющем большинстве указанных Илиевой случаев, как и в проанализированных выше, передача композитов представляет собой особый вид поморфемного калькирования, при котором компоненты композита (основы и слова-компоненты) передаются цельнооформленными словами несколькословного наименования. Например:

θεόπνευστος – вогомь доуховьнъ (ср. πνευστός ‘breathed’²⁰);
 δευτερονόμιον – вѣторый законъ;
 κυκλοφορικός – кржгомь носимъ (ср. φορικός ~ φόρος);
 πρωτόμαρτυς – пръвый мжченикъ
 и др.

Встречаются, однако, и примеры передачи греческих композитов скорее «по смыслу», когда поморфемное калькирование не является точным. Ср.:

εὐκίνητος – скорѣ грддыи, где компонент εὐ- очень приблизительно передан наречием скорѣ, а второй компонент, adj. verb. κίνητος (букв. «могущий двигаться»), – причастием грддыи;
 или:

κωνοειδής – такъ и влюдо, где первый компонент κων- композита κωνοειδής (букв. «конусовидный»), представляющий собой основу сущ. κῶνος ‘конус’, передан вторым компонентом несколькословного наименования влюдо, а второй компонент греческого композита, суффиксоид -ειδής (от сущ. εἶδος ‘вид, образ’), передан сочетанием такъ и.

Как видим, в поморфемном калькировании греческих композитов, дающих результат в виде старославянского композита,

¹⁹ Илиева Т. Терминологичната лексика в Йоан-Екзарховия превод на «De Fide Orthodoxa». София, 2013. С. 134.

²⁰ Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon... P. 1106.

и в поморфемном калькировании греческих композитов, дающих результат в виде старославянского несколькословного наименования, сходства больше, чем различий, поскольку основной задачей для славянского книжника в обоих случаях была передача семантики двух знаменательных корней. Неудивительно поэтому, что даже в пределах эпохи существования собственно старославянского языка (т. е. IX–XI вв.) встречаются варианты перевода одних и тех же греческих композитов как старославянскими несколькословными наименованиями, так и старославянскими композитами. Например, в евангельском переводе композит *ψευδοπροφήτης* передан несколькословным наименованием, а в Толкованиях на книгу пророка Иезекииля, переведенных несколько позже, но все же в пределах эпохи существования собственно старославянского языка, – композитом. Ср.:

Мт 7:15: Προσέχετε δὲ ἀπὸ τῶν ψευδοπροφητῶν, οἵτινες ἔρχονται πρὸς ὑμᾶς ἐν ἐνδύμασιν προβάτων

– вънмиѣте отъ лъжнихъ пророкъ . иже приходѣтъ къ вамъ въ одеждѣ овъчѣхъ . Зогр, Мар, Ас;

ТК на Иез 1:3: Πολλοὶ κατὰ τῶν καιρῶν τοῦτου ψευδοπροφήται τοῖς προφήταις ἀντέλεγον

– мнози во въ то врѣмѣ лъжепрѣци съпротивѣ глѣахъ . Ф. I.461.

Несомненно, книжники искали лучший вариант передачи греческих композитов, не отвергая возможности их перевода как композитом, так и несколькословным наименованием. Так, например, в пределах Супрасльской рукописи находим передачу композита *φιλοπτωχία* как несколькословным наименованием, так и композитом. Ср.:

Ποῖος καιρός; ὁ τῆς φιλοπτωχίας φωτισμός.

– кое врѣмѣ ништинихъ прилюбьенна свѣтълюсть . Супр 356,9 (Слово Иоанна Златоуста о посте);

Οὕτως δὲ ἐτέλει πάντα τὸν χρόνον τῆς ζωῆς αὐτοῦ... τὴν φιλοζενίαν ἐκτελῶν, τὴν φιλοπτωχίαν ὑπερασπιζόμενος ...

– тако же твѣрѣаше всѣ лѣта житиѣ своего... лювостраньниѣ твѣрд . ништелюбие застѣпѣа. Супр 207,18–19 (Житие Исакия).

Довольно большое количество именных словосочетаний, представляющих собой несколькословные наименования, оказалось также в старославянском лексиконе в результате фразеологического калькирования. Старославянское фразеологическое калькирование, в отличие

от поморфемного и семантического, до сих пор остается совершенно неизученным. Определение старославянских фразеологических калек имеется в монографии Нандора Молнара 1985 г., пользующейся и в наши дни авторитетом у палеославистов: «For reproducing foreign word groups and phrases by means of loan translation some word groups and phrases may be established in the adopting language as well. Betz presents them as “Lehnwendungen”, the English and French authors know as “phraseological loan translations”, “calques phraséologiques”. These solutions are well-applicable in English as *phraseological calques*» (курсив Молнара)²¹. С несколькословными наименованиями, являющимися результатом поморфемного калькирования композитов, сопоставимы несколькословные наименования, являющиеся результатом фразеологического калькирования именных словосочетаний. Многие из них, как и результаты поморфемного калькирования композитов, появились в старославянском лексиконе в связи с необходимостью номинации понятий, связанных с христианством и «средневековой энциклопедичностью». Особенно эти номинации характерны для переводов – в силу довольно разнообразного содержания последних – несколько более поздних, чем перевод Евангелия и Псалтыри. Эти переводы сохранились главным образом в более поздних списках, но восходят к старославянским протографам²². Например:

βασιλεία τῶν οὐρανῶν – цѣсарьство/цѣсарьствѣнѣ невьскъноуе/невьскъскоуе (цѣство нѣвьскъноуе Мт 5:3 Ас; цѣствѣнѣ нѣвьское Мт 5:3 Сав; цѣсо нѣвьское Мт 5:3 Зоґр; εἰς βασιλείαν τῶν οὐρανῶν – цѣствѣнѣ нѣвьскъноуе Изб 1073, 36с7; τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν – цѣствѣнѣ нѣвьскъноуе Изб 1073, 44b17–18 и др.);

21 Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts: A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien, 1985. P. 66.

22 Старославянские тексты сохранились, как известно, в рукописях «старославянского канона» конца X – начала XI в. (отстоящих, кстати, от времени перевода в некоторых случаях более чем на столетие), однако бо́льшая часть старославянских текстов сохранилась в более или менее поздних списках. Принципы использования лексики списков со старославянских протографов для получения адекватного представления о лексическом инвентаре старославянского языка были предложены в нашей статье более двух десятилетий тому назад: Ефимова В. С. Проблема реконструкции лексического фонда старославянского языка // Славянский альманах 2001. М., 2002. С. 462–470.

τὰ ἅγια (τῶν) ἁγίων – свѣтаѣ свѣтъѣицѣхъ/свѣтъѣиинѣхъ (свѣтаѣ свѣтъѣицѣхъ Супр 418,14; сѣѣѣ сѣтъѣхъ Клоц 7а22; сѣѣѣ сѣтъѣицѣхъ Евр 9:13 Христ, Охр, Слепч, Струм, Шиш; сѣѣѣ сѣтъѣиинѣхъ Изб 1073 49d29 и др.);
 ἡ ἁγία τριάς – свѣтаѣ трѣица (ἡ ἁγία τριάς – сѣѣѣ трѣица Бог 245а4; εἰς τὴν ἁγίαν τριάδα – въ сѣтъѣю трѣицю Бог 244b8; τῆς ἁγίας τριάδος – сѣтъѣѣ трѣица Бог 244b10);
 μικρὸς κόσμος – мала о҃тъварь (‘человек’) Бог 182а4–5;
 ἡ ἀνθρωπίνη φύσις – ѡѡвѣѣѣ ѡѣтъѣство (ѡѣѣѣ ѡѣтъѣство Изб 1073 16d29–17а1) и др.

Греческая конструкция с Gen при этом часто заменялась «ославяненной» конструкцией с прилагательным:

τῶν ὑδάτων ἡ φύσις – ѡдѣѡнѣ ѡѣтъѣство (τῶν ὑδάτων ἡ φύσις – ѡдѣѡнѣ ѡѣтъѣство Шест 5d25–26; τῶν ὑδάτων τὴν φύσιν – ѡдѣѡнѣ ѡѣтъѣство Шест 6а7–8; τὴν τῶν ὑδάτων φύσιν – ѡдѣѡнѣ ѡѣтъѣство Бог 156b7–8 и др.);
 θεοῦ λόγος – бѣѡнѣ сѡѡѡ (θεοῦ λόγος – бѣѡнѣ сѡѡѡ Бог 237b8) и др.

О том, что подобные несколькословные наименования – фразеологические кальки были еще «не устоявшимися», не закрепившимися в узусе старославянского языка, свидетельствует как морфологическое варьирование в некоторых случаях, так и следование в большинстве случаев порядку слов греческого образца. Ср., например:

(τὸ) πνεῦμα ἀκάθαρτον – дѡѡѣѣхъ неѡнѣтъѣи (πνευμάτων ἀκαθάρτων – на дѡѡѣѣѣхъ неѡнѣтъѣицѣхъ Мт 10:1 Зогр, Мар, Ас, Сав),
но τὸ ἀκάθαρτον πνεῦμα – неѡнѣтъѣи дѣѣѣ Изб 1073, 37b2;
 ὁ λόγος τοῦ θεοῦ – сѡѡѡ бѡѡнѣ Изб 1073, 7с24; сѡѡѡ бѣѡнѣ Бог 225а9–225b1 и др.,
но ὁ θεός λόγος – бѡнѣ сѡѡѡ (τὸν θεὸν λόγον – бѣѡнѣ сѡѡѡ Изб 1073, 12d26; Изб 1073, 23с2; Изб 1073, 24d15–16);
 θεοῦ δύναμις – бѡнѣѣѣ сѡѡѡ (бѣѡнѣѣѣ сѡѡѡ Бог 252а1; τῇ τοῦ θεοῦ δυνάμει – бѣѡнѣѣѣ сѡѡѡ Бог 250b5; διὰ τῆς τοῦ θεοῦ δυνάμεως – бѣѡнѣѣѣ сѡѡѡ Бог 252b3 и др.),
но δύναμις θεοῦ – сѡѡѡ бѡнѣѣѣ (δύναμις θεοῦ – сѡѡѡ бѣѡнѣѣѣ Бог 249а3).

Вместе с тем уже появляются признаки усвоения книжниками определенных конструкций, что выражается в употреблении их

без поддержки конструкции в греческом оригинале, т. е. начинается процесс закрепления этих конструкций в узусе языка. Ср.:

ἡ ὀρθὸς πίστις – правага вѣра (ὀρθῆ πίστει – правѣк вѣрѣк Супр 281,15; διὰ τῆς ὀρθῆς πίστεως – правож вѣрож Изб 1073, 27с3 и др.),

ἡ ὀρθόδοξος πίστις – правага вѣра (εἰς τὴν ὀρθόδοξον πίστιν – о правѣки вѣрѣк Супр 198,6–7; τῇ ὀρθοδόξῳ πίστει – о... правѣки вѣрѣк Изб 1073, 24b24 и др.).

Или:

вожнѣе слово – τὸν λόγον τοῦ θεοῦ Изб 1073 34b21 (т. е. в сравнении с греческой конструкцией старославянская имеет обратный порядок слов и прилагательное вместо Gen существительного).

Иногда (впрочем, довольно редко) между компонентами нескольких словосочинений наблюдается употребление вставных элементов – как в греческом оригинале, так и в старославянском переводе. Например:

Δύναμις δὲ θεοῦ – сила же вожина Бог 252a5.

С другой стороны, в старославянских текстах встречается передача греческих несколькословных наименований композитами. Так, например, ἡ ὀρθόδοξος πίστις переводится не только как правага вѣра, но и как правовѣриѣ:

ὕπερ τῆς ὀρθοδόξου πίστεως – за правовѣриѣ Супр 302,6.

Впрочем, в этом случае композит правовѣриѣ мог образоваться не путем калькирования греческого наименования, а от уже успешно закрепиться в узусе языка несколькословного наименования правага вѣра (ср. образованные от несколькословного наименования прил. правовѣринѣти в Изб 1073, 27b23–24, 194d16–17 и др., прич. правовѣроуѣли в Изб 1073, 33b4 и др.). Однако в таких случаях, как при передаче греч. διττὸς τόκος (διττὸς ‘двойной’, τόκος ‘рождение’) композитом соуґоувородѣство, приходится говорить об особом виде калькирования, когда целью оформленные слова-компоненты греческого наименования передаются морфемами композита²³. Ср.:

23 В данном случае композит соуґоувородѣство образован по модели [основа-слово].

καὶ ἄκουε ῥητῶς διττοῦ τόκου τὰ πράγματα

– и слыша въ рѣчи . сѣугубородьствоу вышти . Супр 451,16–17 (Слово Епифания на Погребение Христово).

Как следует квалифицировать эту «палитру» старославянских сложных номинаций в виде композитов и несколькословных наименований, явно объединенных сходностью приемов в калькировании греческих образцов? Лингвистическая литература последних десятилетий демонстрирует немалый интерес лингвистов к композитам и несколькословным номинациям в современных европейских языках. Исследователи, работающие в рамках грамматики конструкций, и «близкие к ним по духу» склонны рассматривать словосложение (*compounding* в широком смысле слова) как «серую зону» между морфологией и синтаксисом²⁴. Вместе с тем предлагается различать две категории композитов (*compounds*) – однословные композиты (*morphological compounds*) и «фразовые» композиты (*phrasal compounds*), причем идентификацию последних в качестве композитов обычно стараются формализовать путем тестирования именных словосочетаний на определенные свойства (невозможность изменения порядка слов, невозможность вставить какой-либо элемент между компонентами, невозможность дать определение к неглавному (*non-head*) компоненту и т. д.)²⁵. В частности, в отношении современного греческого языка была выдвинута идея существования некоего континуума между морфологией и синтаксисом, где к однословным композитам (*one-word compounds*) наиболее близки свободные несколькословные композиты (*loose multi-word compounds*), наиболее далеки от них именные фразы (*noun phrases*), а между свободными несколькословными композитами и именными фразами находятся именные конструкции (*noun constructs*)²⁶.

Полагаем, что квалификация языковых явлений в сфере словосложения (в широком смысле) зависит от конкретного языка и его

24 Booij G. Construction Morphology. Oxford, 2010. P. 169–192; Masini F. Phrasal Lexemes, Compounds and Phrases: A Constructionist Perspective // Word Structure. 2009. Vol. 2. No. 2. P. 254–271; Ralli A. Compounding in Modern Greek. Dordrecht; Heidelberg; New York; London, 2012. P. 243–270; Complex lexical units: Compounds and multi-word expressions. Berlin; Boston, 2019; и др.

25 См., например: Ralli A. Compounding... P. 246–252.

26 Koliopoulou M. Loose Multi-word Compounds and Noun Constructs // Patras Working Papers in Linguistics. 2009. Vol. 1. Special Issue: Morphology. P. 69–70; Ralli A. Compounding... P. 261–262.

языковых особенностей. Специфика старославянского языка обусловлена его особым типом – типом средневекового литературного языка. Его лексический инвентарь создавался узким элитарным кругом книжников по мере выполнения переводов (главным образом с византийского греческого). Хотя основа первого литературного славянского языка заимствовалась книжниками из народной славянской речи того времени, довольно большое количество лексики создавалось самими книжниками. Самими славянскими книжниками создавалось и подавляющее большинство старославянских композитов и несколькословных наименований. В процессе создания этих новых наименований поморфемное и фразеологическое калькирование греческих образцов в з а и м о д е й с т в о в а л о с механизмами номинации в народной славянской речи того времени и переводческими установками²⁷. Возникавшие в процессе такого словотворчества книжников окказионализмы в виде композитов и несколькословных наименований могли впоследствии закрепляться в узусе языка, но могли и оставаться гапаксами как в пределах определенного текста (отраженного в одной или нескольких рукописях), так и в пределах всего корпуса старославянских текстов, который окончательно не закрыт (так как включение в него списков со старославянских протографов необходимо) и до сих пор очень мало изучен. Современные старославянские словари последовательно фиксируют однословные композиты (*morphological compounds*), но очень непоследовательно фиксируют словосочетания²⁸, не говоря уже о том, что круг обработанных для них рукописей очень ограничен и большая часть старославянских текстов, восходящих к старославянским протографам, но сохранившаяся в более поздних рукописях, осталась вне зоны этой обработки. Даже пражский «Slovník jazyka staroslověnského» содержит информацию лишь по очень немногим из таких рукописей. Это обстоятельство создает, конечно, немалые трудности для исследователя по сбору и классификации материала, однако без изучения старославянских лексических единиц в виде композитов и несколькословных наименований наши представления о механизмах номинации в старославянском языке не могут быть адекватными.

27 В частности, как уже было отмечено в примечании 8, в старославянском образовании композитов особую роль играла суффиксация, см.: Ефимова В. С. О роли старославянской суффиксации...

28 Slovník jazyka staroslověnského...; Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994. Несколько лучше фиксирует словосочетания софийский словарь: Старобългарски речник. София, 1999. Т. 1; 2009. Т. 2.

Сокращения названий рукописей

- Ас – Ассеманиево евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Бог – Богословие (Небеса) Иоанна Экзарха Болгарского, древнерусская рукопись XII/XIII вв.
Зогр – Зографское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Евх – Синайский евхологий, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Изб 1073 – Изборник Святослава, древнерусская рукопись 1073 г.
Клоц – Клоцов сборник, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Мар – Маринское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Охр – Охридский апостол, среднеболгарская рукопись XIII в.
Сав – Саввина книга, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Супр – Супрасльская рукопись, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Сав – Саввина книга, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Слепч – Слепченский апостол, среднеболгарская рукопись XII в.
Струм – Струмицкий апостол, среднеболгарская рукопись XIII в.
Христ – Христинопольский апостол, древнерусская рукопись XII в.
Шест – Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, древнесербская рукопись 1263 г.
Шиш – Шишатовачкий апостол, древнесербская рукопись 1324 г.

Источники и литература

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 509 с.

Ефимова В. С. К определению статуса несколькословных наименований лиц в старославянских текстах // Славянский альманах. 2015. № 3–4. С. 352–367.

Ефимова В. С. О границе между старославянскими лексическими единицами и словосочетаниями // Палеославистика. М.: Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2017. С. 60–80 (Славянское и балканское языкознание, [вып. 16]).

Ефимова В. С. О моделях старославянских композитов = On the Models of Old Church Slavonic Compounds // *Palaeobulgarica*. 44. 2020. № 1. С. 71–86.

Ефимова В. С. О роли старославянской суффиксации при калькировании греческих композитов // Палеославистика-3. Международная коллективная монография / отв. ред. В. С. Ефимова. М.: Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2020. С. 93–118 (Славянское и балканское языкознание, вып. 20).

Ефимова В. С. Проблема реконструкции лексического фонда старославянского языка // Славянский альманах 2001. М.: Индрик, 2002. С. 462–470.

Ефимова В. С., Желязкова В. Несколькословные номинации лиц в древнейших славянских рукописях // *Palaeobulgarica*. 38. 2014. № 3. С. 33–48.

Заимов Й., Капалдо М. Супрасълски или Ретков сборник. София: Издателство БАН, 1982–1983. Т. 1–2.

Ильева Т. Терминологичната лексика в Йоан-Екзархovia превод на «De Fide Orthodoxa». София: Печатница Славейков, 2013. 406 с.

Кубрякова Е. С. О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц // *Slowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Katowice: Wydawnictwo Gnome, 2000. S. 24–31.

Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073). София: Изд-во БАН «Проф. Марин Дринов», 2015. Т. 3: Гръцки извори. 1243 с.

Старобългарски речник / отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. София: Изд-во «Валентин Траянов», 1999. Т. 1. 1028 с.; 2009. Т. 2. 1326 с.

Старобългарският превод на Стария завет / под ред. С. Николова. София: Изд-во «АСИ»; Панчо Цекин, 2003. Т. 2. 456 с.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Наука, 1994. 843 с.

Толстая С. М. К проблеме сложных слов в праславянском // *Old Church Slavonic Heritage in Slavonic and Other Languages* / ed. I. Janyšková, H. Karlíková, V. Voček (*Studia etymologica Brunensia*, 25). Praha: NLN, 2021. S. 73–94.

Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. 237 с.

Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М.: Наука, 1977. 336 с.

Aitzetmüller R. Das Hexaameron des Exarchen Joannes // *Editiones monumentorum slavlicorum veteris dialecti*. Graz: Akademische Druck - u. Verlagsanstalt, 1958–1971. Vol. I–VI.

Bally Ch. *Traité de stylistique française*. 2-e ed. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1921. Т. 1. 331 p.

Booij G. *Construction Morphology*. Oxford: Oxford Un-ty Press, 2010. 302 p.

Chantraine P. *Dictionnaire etymologique de la langue grecque: Histoire des mots*. Paris: Éditions Klincksieck, 1968, 1970, 1974, 1977. Т. I–IV.

Complex lexical units: Compounds and multi-word expressions / ed. B. Schlücker. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2019. 363 p.

Frček J. *Euchologium Sinaiticum* // *Patrologia orientalis*. Vol. XXIV–XXV. Paris, 1933, 1939.

- Jagić V. Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1898, 1899. Bd. 20. S. 516–556; Bd. 21. S. 28–43.
- Koliopoulou M. Loose Multi-word Compounds and Noun Constructs // Patras Working Papers in Linguistics. 2009. Vol. 1. Special Issue: Morphology. P. 59–71.
- Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1961. 1568 p.
- Masini F. Phrasal Lexemes, Compounds and Phrases: A Constructionist Perspective // Word Structure. 2009. Vol. 2. No. 2. P. 254–271.
- Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts: A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien: Böhlau, 1985. 347 p.
- Ralli A. Compounding in Modern Greek. Dordrecht; Heidelberg; New York; London: Springer Science, 2012. 302 p.
- Robinson M. A., Pierpont W. G. The New Testament in the Original Greek: Byzantine Textform. Southborough, Mass.: Chilton Book Publ., 2005. 587 p.
- Řecko-staroslověnský index. T. I. Fask. 7. Praha: Euroslavica, 2013. S. 393–456.
- Sadnik L. Des Hl. Johannes von Damaskus "Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes // Monumenta linguae slavicae. Vol. V. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Publ., 1967; Vol. XIV. Freiburg i. Br.: U.W. Weiher Publ., 1981; Vol. XVI. Freiburg i. Br.: U.W. Weiher Publ., 1983.
- Slovník jazyka staroslověnského. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1958–1997. T. I–IV.

References

- Aitzetmüller, R. "Das Hexaemeron des Exarchen Joannes." *Editiones monumentorum slavicae veteris dialecti*. Vol. I–VI. Graz: Akademische Druck – u. Verlagsanstalt, 1958–1971.
- Bally, Ch. *Traité de stylistique française*. 2-e ed. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1921, vol. 1, 331 p.
- Booij, G. *Construction Morphology*. Oxford: Oxford Un-ty Press, 2010, 302 p.
- Chantraine, P. *Dictionnaire etymologique de la langue grecque: Histoire des mots*. T. I–IV. Paris: Éditions Klincksieck, 1968, 1970, 1974, 1977.
- Complex lexical units: Compounds and multi-word expressions*, ed. by B. Schlücker. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2019, 363 p.
- Efimova, V. S. "K opredeleniiu statusa neskol'koslovnykh naimenovanii lits v staroslavianskikh tekstakh." *Slavianskii al'manakh*, 2015, no 3–4, pp. 352–367.
- Efimova, V. S. "O granitse mezhdru staroslavianskimi leksicheskimi edinitсами i slovosochetaniiami." *Paleoslavistika*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Polimedia, 2017, pp. 60–80 (Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie, [vyp. 16]).

Efimova, V. S. "O modeliakh staroslavianskikh kompozitov = On the Models of Old Church Slavonic Compounds." *Palaeobulgarica*. 44, 2020, no 1, pp. 71–86.

Efimova, V. S. "Problema rekonstruktsii leksicheskogo fonda staroslavianskogo iazyka." *Slavianskii al'manakh*, 2001. Moscow: Indrik, 2002, pp. 462–470.

Efimova, V. S. "O roli staroslavianskoi suffiksatsii pri kal'kirovanii grecheskikh kompozitov." *Paleoslavistika–3. Mezhdunarodnaia kollektivnaia monografiia*, ed. by V. S. Efimova. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Polimedia, 2020, pp. 93–118 (Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie, vyp. 20).

Efimova, V. S., Zheliazkova V. "Neskol'koslovnye nominatsii lits v drevneishikh slavianskikh rukopisiakh." *Palaeobulgarica*. 38, 2014, no 3, pp. 33–48.

Frček, J. "Euchologium Sinaiticum." *Patrologia orientalis*, vol. XXIV–XXV. Paris, 1933, 1939.

Ilijeva, T. *Terminologichnata leksika v Ioan-Jekzarkhoviiia prevod na "De Fide Orthodoxa" = Terminological Vocabulary in the Translation of "De Fide Orthodoxa" by John Exarch*. Sofia: Pechatnitsa Slaveikov Publ., 2013, 406 p.

Jagić, V. "Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten." *Archiv für slavische Philologie*. Berlin, 1898, 1899. Bd. 20. S. 516–556; Bd. 21. S. 28–43.

Koliopoulou, M. "Loose Multi-word Compounds and Noun Constructs." *Patras Working Papers in Linguistics. Vol. 1. Special Issue: Morphology*. 2009. P. 59–71.

Kubriakova, E. S. "O raznostrukturnykh edinitsakh nominatsii i meste proizvodnogo slova sredi etikh edinits." *Slowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Katowice: Wydawnictwo Gnome, 2000, pp. 24–31.

Lampe, G. W. H. *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford: Clarendon Press, 1961, 1568 p.

Masini, F. "Phrasal Lexemes, Compounds and Phrases: A Constructionist Perspective." *Word Structure*, 2009, vol. 2, no 2, pp. 254–271.

Molnár, N. *The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts: A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices*. Köln; Wien: Böhlau, 1985, 347 p.

Ralli, A. *Compounding in Modern Greek*. Dordrecht; Heidelberg; New York; London: Springer Science, 2012, 302 p.

Řecko-staroslověnský index. T. I. Fask. 7. Praha: Euroslavica, 2013, pp. 393–456.

Robinson, M. A., Pierpont, W. G. *The New Testament in the Original Greek: Byzantine Textform*. Southborough, Mass.: Chilton Book Publ., 2005, 587 p.

Sadnik, L. "Des Hl. Johannes von Damaskus "Εκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes." *Monumenta linguae slavicae*. Vol. V. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Publ., 1967; Vol. XIV. Freiburg i. Br.: U.W. Weiher Publ., 1981; Vol. XVI. Freiburg i. Br.: U.W. Weiher Publ., 1983.

Simeonov sbornik (po Svetoslavoviia prepis ot 1073). T. 3: Gratski izvori. Sofia: Izd-vo BAN “Prof. Marin Drinov”, 2015, 1243 p.

Slovník jazyka staroslověnského. Vols. I–IV. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1958–1997.

Starobalgarski rechnik, ed. by D. Ivanova-Mircheva. Vol. 1. Sofia: Izd-vo “Valentin Traianov”, 1999, 1028 p.; Vol. 2. Sofia: Izd-vo “Valentin Traianov”, 2009, 1326 p.

Starobalgarskiiat prevod na Staria zavet, ed. by S. Nikolova. Vol. 2. Sofia: Izd-vo “ASI” – Pancho Tsekin, 2003, 456 p.

Staroslavianskii slovar’ (po rukopisiam X–XI vekov), ed. by R. M. Tseitlin, R. Vecherki, E. Blagovoi. Moscow: Nauka, 1994, 843 p.

Tolstaia, S. M. “K probleme slozhnykh slov v praslavianskom.” *Old Church Slavonic Heritage in Slavonic and Other Languages*, ed. by I. Janyškova, H. Karlikova, V. Boček. Praha: NLN, 2021, pp. 73–94 (*Studia etymologica Brunensia*, 25).

Tolstoi, N. I. *Istoriia i struktura slavianskikh literaturnykh iazykov.* Moscow: Nauka, 1988, 237 p.

Tseitlin, R. M. *Leksika staroslavianskogo iazyka. Opyt analiza motivirovannykh slov po dannym drevnebolgarskikh rukopisei X–XI vv.* Moscow: Nauka, 1977, 336 p.

Vereshchagin, Je. M., Kostomarov, V. G. *Iazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy.* Moscow: Indrik, 2005, 509 p.

Zaimov, I., Kapaldo, M. *Suprasalski ili Retkov sbornik.* Vols. 1–2. Sofia: Izd-vo BAN, 1982–1983.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.08

V. S. Efimova

Old Church Slavonic Multi-Word Nominations versus Compounds

Valeriya S. Efimova

Doctor of Letters, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: valeriefimova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5921-8475

Citation

Efimova V. S. Old Church Slavonic Multi-Word Nominations versus Compounds // Slavic Almanac. 2023. No 3–4. P. 171–190 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.08

Received: 03.04.2023.

Revised: 31.08.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The article is devoted to the study of the lexical inventory of the Old Church Slavonic language. The author proceeds from the idea of the lexical fund of the language as consisting not only of words but also phrases. The lexical inventory of the Old Church Slavonic language was created by the elite circle of literati in the process of translation (mainly from Byzantine Greek). Although the Old Church Slavonic language was based on the folk Slavic speech of the time, most of the Old Church Slavonic compounds and multi-word names were created by Slavic bookmen themselves. Many of these names appeared in the Old Church Slavonic lexicon due to the need to nominate concepts related to Christianity and “medieval encyclopedism”. The basis for the formation of these new names was the morphemic and phraseological calquing of Greek counterparts, which interacted with the mechanisms of nomination in the Slavic folk speech. The article demonstrates that the Old Church Slavonic nominations with multi-word names and compounds reveal “spheres of intersection”. As the author believes, these “spheres of intersection” were caused by the main and most difficult task that Slavic bookmen solved in translating both Greek compounds (or derivatives from compounds) and Greek multi-word names – the transfer of semantics of significant roots. Even within the epoch of the existence of the Old Church Slavonic language proper (i. e. 9th–11th centuries), there are variants of the translation of the same Greek compounds by both Old Church Slavonic multi-word names and Old Church Slavonic compounds. The occasionalisms that arose in the process of word-creation of bookmen in the form of compounds and multi-word names could subsequently be fixed in the usus of the language, but they could also remain hapax both within a certain text and within the entire corpus of Old Church Slavonic texts, which is not completely closed and has been studied extremely insufficiently.

Keywords

Old Church Slavonic language, lexical inventory, compounds, multi-word names, calquing.